

МИХАЙ ГАВРИЛОВИЧ ЛАЗАР

доктор философских наук, профессор,
Российский государственный гидрометеорологический университет,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: mihai_lazar@mail.ru

УДК 174: 01: 336

Этические аспекты функционирования российской грантовой системы финансирования науки

Статья раскрывает нравственные проблемы российской грантовой системы, на основе ее отличий от европейских систем грантового финансирования: закрытый характер привлечения ученых к рецензированию; невысокая численность экспертного пула и закрытый характер процедуры распределения заявок между экспертами; отсутствие у научного сообщества возможности повлиять на стратегию развития научных фондов страны. Раскрываются этические проблемы выбора темы заявок на грант, оформления заявок на грант, экспертизы, отчетности по гранту, влияния грантов на научный прогресс.

Ключевые слова: социальный институт науки, мораль, моральный выбор, грантовая система России, нравственная проблема, выбор темы, оформление заявки, экспертиза заявок на грант, научный прогресс.

Постановка проблемы

Российская наука переживает сложный период адаптации к не свойственной ей в прошлом системе финансирования — грантовой системе. Появление в 1992 г. негосударственных зарубежных, а позже российских государственных научных фондов, предоставляющих финансирование российским ученым, было, бесспорно, спасением для российской науки. На основе проведенного эмпирического обследования российских грантополучателей нами были сформулированы основные черты работы российских фондов (см. Лазар, Стрельцова, 2015а: 47–48), однако за рамками исследования остались некоторые аспекты анализа полученного эмпирического материала, связанные с морально-этическими проблемами функционирования данной системы финансирования науки. Многие российские ученые сходятся во мнении, что концепция реформирования российской науки, предложенная Министерством образования и науки РФ, предполагающая формирование и поддержку 200 элитных организаций и постепенную ликвидацию остального «балласта» из 2,5 тыс. научных учреждений — весьма спорная, как и реформирование РАН. Суть реформирования науки можно выразить одной фразой: «...перенос науки из Академии в университеты. За основание берется модель исследовательского университета...

которая, предполагается, может быть импортирована в российскую образовательную среду» (Ащеулова, Душина, 2014: 104).

Претворение в жизнь такой реформы уже привело к разрушению фундаментальной науки в России. В ситуации, создавшейся вокруг России в последние годы, интерес представляют причины появления зарубежных фондов. Такие декларированные причины как интернационализация российской науки и продвижение России к «цивилизованному» обществу, препятствование процессу «утечки мозгов» — известны. Их суть — оказать финансовую поддержку российской науке в ситуации катастрофического урезания бюджетного финансирования в 1990-е годы. Остается непонятным при этом один вопрос: при очевидной не востребоваемости большинства направлений российской науки государством и бизнесом теми, кто дал «добро» на реформу науки, на создание фондов и грантовой системы, *для чего и для кого* поддерживалась российская наука американскими, европейскими и другими фондами и организациями? Ведь известна поговорка о том, что рачительный хозяин деньги на ветер не бросает.

Осознавая наличие множества оттенков в освещении этого вопроса, укажем на политический контекст появления американских фондов в 1992 г. Как отмечает И. Г. Дежина, «само развертывание их программ в России было обусловлено, прежде всего, фактором чисто политическим». Даже такая, на первый взгляд, независимая структура, как Международный научный фонд, созданный Дж. Соросом, явилась откликом на политическую кампанию по «спасению российской науки». В мае 1992 г. был подготовлен доклад 120 американских экспертов для советника президента США по науке и технологии Алана Бромли «Переориентация исследовательского потенциала бывшего Советского Союза», где рассматривались и предлагались различные способы и направления «сохранения и переориентации науки и техники бывшего Советского Союза в интересах США». Ставились две долгосрочные цели: предотвращение «утечки умов» и «построение демократического общества с цивилизованной рыночной экономикой» (Дежина, 1997: 1091–1092). И далее автор перечисляет различные способы и направления сохранения и переориентации науки и техники бывшего СССР в интересах США. Это оценка возможностей стран бывшего СССР в области энергетики, экологии, биологии; это переориентация специалистов ВПК в области физики, химии, биологии, геологии и математики (которые потом и финансировались фондом Сороса); это определение областей приоритетной специализации для молодых ученых, среди которых генетика, биологическое разнообразие, эффективность энергии, развитие прибрежных зон и др. (там же: 1093). Всего шесть направлений, в которых сегодня можно усмотреть главные направления вовлечения ученых этих стран в возможную эмиграцию под лозунгом интернационализации науки. Об этом в то время писали и другие авторы, которые указывали и на другое направление: переориентацию российских ученых и инженеров от обороны к гражданским секторам (Петровский, Диденко, 2001). Хотя активность и приоритеты фондов менялись со временем, массовая эмиграция российских ученых, преимущественно в США, за последние 20 лет стала реальным фактом и огромной потерей для научного потенциала России. Проблема миграции ученых стала острой и для Европы. Например, Европейское физическое общество било тревогу и предлагало выставить счет правительству США за «уведенных» из Европы физиков, оценивая каждого в один миллион евро (там же: 146). Но факт остается фактом: после 1991 г. из России эмигрировали сотни тысяч ученых, ин-

женеров, специалистов наиболее активного возраста. Можно согласиться с тем, что гранты и конкурсная система в целом в значительной степени способствовали интернационализации российской науки и ее интеграции в мировую, но остается открытым вопрос: что приобретает или выигрывает от всего этого Россия, власти которой фундаментальная наука не очень нужна, и что выиграла реально Америка?

Задача данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать проблемы нравственного порядка, которыми сопровождается эта принципиально новая для российских ученых система дополнительного финансирования науки в условиях чрезвычайно бедного базового ее финансирования. А нравственные проблемы возникают тогда, когда у отдельного ученого появляется внутренний ценностный конфликт или вынужденный выбор, противоречащий его жизненным принципам, профессиональной совести, когда в нестандартных жизненных ситуациях он вынужден поступиться этими принципами и личным достоинством.

Социологический опрос грантополучателей, проведенный Е. А. Стрельцовой в апреле 2014 г. с помощью Интернета (результаты были нами изложены в: Лазар, Стрельцова, 2015а: 41–42), показал, что около 30 % доходов ученых академических учреждений двух столиц занимают субсидии от грантов, причем эта цифра усредненная. Выборка репрезентативна, анкеты были посланы 2350 ученым, по 10 — в каждую из 235 организаций из перечня в 1732 организации исследовательского и вузовского сектора науки. Представлены все 8 федеральных округов. Ответы получены от 561 респондента, процент отклика — 23,9 %. Из них забрана 71 анкета, анализ осуществлялся по 490 анкетам. Результаты данного опроса, однако, нуждаются в более обстоятельном анализе, необходим также анализ этических проблем, вызванных грантовой системой финансирования. Дело в том, что за последние годы «вес» отдельного ученого в России стал, на американский манер, измеряться количеством полученных грантов и их статусом, а в некоторых университетах без наличия грантов с профессором не заключают годовой контракт. Мы попытаемся ответить на непростой вопрос: способствуют ли гранты реальному прогрессу российской науки, или же, обеспечивая выживание ученых, грантовая система остается способом сбора властями и зарубежными странами информации о научном потенциале России?

Методологические аспекты определения науки и морали

Мы исходим из того, что используемая социологом методология предопределяет не только язык изложения им результатов исследования, но и спектр признаваемых социологом внутринаучных ценностей и норм, видение мотивации занятия наукой, понимание критериев эффективности науки, значения научных публикаций, то есть всего того, что напрямую связано с грантовой системой финансирования науки. Другими словами, многое зависит от понимания и определения науки как формы духовного творчества и морали как социального явления и элемента культуры.

Основы институционального подхода к науке в зарубежной социологии заложили Дж. Бернал, М. Вебер, Р. Мертон, Т. Парсонс, Н. Сторер и др., а в СССР в 70-х гг. XX в. — И. И. Лейман, В. Ж. Келле, С. А. Кугель, И. А. Майзель, Е. З. Мирская и многие другие исследователи. Автор статьи привержен к институциональному

подходу в определении науки. Как структурный элемент человеческой культуры, как совокупность наличных теоретических знаний и методов познания, она, бесспорно, интернациональна. Но как форма деятельности и социальный институт, имеющий специфические нормы, формы коммуникаций, специфические формы организации, управления и финансирования, современная наука (российская, в частности) обладает, несомненно, рядом особенностей, связанных с историческими, экономическими, культурными и иными традициями страны, в которой живут и действуют ученые. В рамках этой методологии характеристики науки, раскрытые в краткой форме Э. М. Мирским, таковы:

«— обладание совокупностью специальных знаний, за хранение, трансляцию и постоянное расширение которых ответственно научное сообщество. Качество и целостность массива знаний постоянно проверяется экспертизой, в которой в разных формах участвуют все члены сообщества;

— наличие внутри профессии форм вознаграждения, *выступающих достаточным стимулом для специалистов и обеспечивающих их высокую мотивацию относительно профессиональной карьеры* (курсив наш. — М.Г.);

— автономность профессии в привлечении новых членов, их подготовке и контроле их профессионального поведения;

— заинтересованность социального окружения профессии в продукте деятельности ее членов... гарантирующая как существование профессии, так и действенность профессиональных институтов» (Мирский, 2011: 18).

Данный подход к науке ставит на первое место *кооперацию и сотрудничество* создателей научных ценностей в рамках дисциплинарного сообщества, хотя конкуренция исследователей за признание сообщества, не являясь доминирующей чертой, присутствует в современной науке, вместе с индивидуальной ответственностью перед сообществом за качество и полезность своего вклада.

Наряду с институциональным подходом к науке существует и другое ее понимание — постмодернистское, имеющее последователей и в российской социологии и философии. В работах П. Бурдьё (Bourdieu), Б. Латюра (Latour) и др. наука определяется как одна из форм поля социального пространства, в котором преобладает борьба и конкуренция агентов ради приумножения научного капитала (Bourdieu, 1975; Latour, 1999). Наука, согласно Бурдьё, выступает в качестве одного из полей символического производства, наряду с искусством, религией, высокой модой. Главное в поле науки, с его точки зрения, — конкуренция, борьба за приумножение научного капитала. Действия агентов поля направлены на достижение цели — на победу в борьбе с конкурентами и получение признания, которое обеспечит более высокую позицию в структуре поля науки. Конечный результат исследований, для Бурдьё, не открытие истины, а некоторая сумма научного капитала (престиж, известность, признание, статус, имя). При этом поле науки понимается как система неравных, но взаимосвязанных позиций, которые занимают включенные в него социальные агенты (индивидуальные и коллективные), вовлеченные в реализацию деятельности по созданию и развитию научного знания (Bourdieu, 1975: 17–49). Признание конкуренции в качестве доминирующей и единственной формы взаимодействия социальных агентов (то есть ученых) в поле науки является, на наш взгляд, существенным искажением реальности, так как Бурдьё игнорирует наличие кооперации и сотрудничества ученых в научных организациях. Конечно, в науке есть соперничество и конкуренция, но доминирующими ценностями являются ко-

операция и сотрудничество, без которых нет научного прогресса, движения вперед. Как подсистема общества наука функционирует в рамках доминирующей в данном обществе системы ценностей, типе социально-экономических отношений.

В постсоветском периоде истории России, в условиях невостребованности науки государством у нее появились принципиально новые черты. Это разрыв между реальным вкладом творцов науки в потенциал страны и их плачевным материальным положением; это изменение нравственных основ жизни и переход части ученых к иным моральным ценностям, главная из которых — успех любой ценой. Как следствие — деградация нравственных отношений в науке и падение ее престижа в обществе. Это разрыв преемственности поколений в науке при явном старении кадрового потенциала; это постепенное изменение организационных форм и финансирования науки, смещение духовных ценностей на второй план. Престижно стало одно: уметь зарабатывать как можно больше денег, не слишком заботясь о средствах. При всей бедности российской науки большинство ученых старше 45–50 лет, на наш взгляд, не разделяет эту систему ценностей. Данное утверждение выводит нас напрямую к нравственно-этическим проблемам современной науки, в частности грантовой системе ее финансирования.

Лейтмотив работ автора этих строк на данную тему — в утверждении идеи о том, что реальная наука в любой стране не может развиваться успешно без преданности ученого своей теме исследования, без профессиональной корректности, порядочности, ответственности, без честного отношения к делу, то есть без наличия и действия профессиональной морали (этики). Это обязывает нас вкратце определить свое понимание профессиональной морали и этики, специфики их проявления в науке, несмотря на то что все эти понятия детально раскрыты нами в работах прошлых лет (Лазар, 2012: 87–106).

Мораль как социальное явление представляет собой специфическую форму отражения социальной действительности в оценочно-ценностных категориях, суждениях; она выражает ценностное отношение человека к окружающей действительности. Принципы и нормы морали, формируются на протяжении исторически значимых периодов. Они концентрируют в себе многовековую историческую память и опыт кардинальных общественно-культурных сдвигов, которые в нашу эпоху происходят намного быстрее.

Это означает, что мораль отражает не ситуативное, преходящее состояние нравов социальных групп, а *закономерно-необходимые условия существования общества, его историческую преемственность и общечеловеческие тенденции развития*. По этой причине «нравы» прикладной науки, как мы неоднократно писали, нельзя считать этосом науки, они не выражают моральное «должное» профессии ученого.

Этика — как наука о морали, теория морали, ставит себе задачу раскрытия сущности морали, осмысления нравственных отношений и моральной практики, задачу обоснования должного на каждом историческом этапе, в конкретном виде деятельности. Как форма рефлексии, этика включает в себя и отражение нравственных отношений, практики, и момент обоснования должного. Это позволяет понять, почему нравственные требования признанные большинством людей в данном обществе, не всегда совпадают с реальным поведением людей «на практике». Указанное расхождение между фактическим поведением людей и их моральным сознанием является одной из специфических особенностей морали, которая может быть понята только в категории нравственных отношений. Они и являются «третьим звеном»

для определения морали, связующим моральную практику и моральное сознание. На это мы обращаем особое внимание, так как любые попытки раскрыть сущность этических проблем науки без учета этой особенности морали превращаются в морализаторство, не способствуют пониманию современных этических проблем науки.

С наибольшей полнотой и очевидностью нравственные качества человека проявляются в его поведении, где совершается *моральный выбор*, который возможен только при наличии реальной возможности выбора. Отдельные поступки могут быть нетипичны для данного человека. Нравственное поведение — это комплекс поступков, совершаемых человеком в течение более или менее длительного периода времени и раскрывающих нравственную позицию личности, его устремления, намерения. Нравственные проблемы возникают тогда, когда у отдельного ученого появляется внутренний ценностный конфликт или вынужденный выбор, противоречащий его жизненным принципам, общественной морали, когда в нестандартных жизненных ситуациях он вынужден поступиться своей совестью и достоинством.

Морально-этические проблемы российской грантовой системы

В 2010 г. в России действовало около 150 организаций, предоставляющих гранты на научные исследования. Для сравнения отметим, что в 2013 г. в Германии, по данным Ассоциации немецких фондов, насчитывалось свыше 1800 фондов, частных и государственных, финансирующих научные исследования. Бюджет только одного фонда — Немецкого научного фонда — составляет около 2,5 млрд евро, а средний размер гранта составляет 1,5–2 млн евро (DFG, 2013).

Сравнивая структуру и функционирование грантовых систем в разных странах, мы пришли к выводу, что они отражают особенности экономической, политической, нравственной культуры своей страны, преобладающий менталитет населения и научного сообщества. В частности, грантовые системы стран Европейского союза (ЕС) несмотря на различия, имеют следующие общие черты:

- «— активная позиция ученых — участников грантовых конкурсов, их возможность оказывать влияние на процесс оценки заявок;
- прозрачность процесса принятия решений о поддержке исследований: публикация сведений о составах экспертных комиссий, обеспечение доступа к рецензиям в зарубежных фондах, публикация информации обо всех поддержанных проектах, в ряде стран — обо всех поданных заявках;
- участие научного сообщества в процессе управления научными фондами;
- значительные объемы финансирования научных фондов и, как следствие, высокий размер финансирования гранта;
- ориентация на инициативные научные исследования» (Лазар, Стрельцова, 2015б: 241).

На наш взгляд, грантовая система России, переживающая стадию становления, также отражает экономическую, управленческую и нравственную культуру, как прошлого, советского, так и настоящего общества, «постсоветского». Организаторам грантовой системы России, среди которых многие получили высшее образование или работали в западных странах, представляется, что грантовая система США, Англии или ФРГ — применима целиком и в России, ведь наука — интернацио-

нальна. На деле российские ученые, в любой роли — исследователя или управленца от науки — являются носителями российской культуры и менталитета, духовным продуктом прежнего общества, о чем свидетельствует и их возраст: 63 % докторов наук и 34,2 % кандидатов наук от общего количества научных кадров России на конец 2013 г. были старше 60 лет (Индикаторы, 2014: 48). А это значит, что основные черты российской системы грантов противоположны отмеченным выше характеристикам европейской грантовой системы.

Новые формы финансирования российской науки — гранты, научные фонды, совместные научно-технические проекты, заказные работы из-за рубежа, возникшие в 90-е годы прошлого века были приняты многими российскими учеными почти сразу. Ведь в зарубежной науке в прошлом веке и в начале этого они оказались действенной формой финансирования и поддержки науки, а экономические условия России того периода не позволяли властям даже мизерную зарплату платить вовремя. По данным социологических опросов ученых Санкт-Петербурга того периода, работающих в отраслевой науке, «примерно 25 % согласились бы на более высокооплачиваемую работу вне науки, 57 % — не согласились бы» (Евдокимова, 2001: 184). Поиск дополнительных доходов происходил также неоднозначно. В отраслевой науке 27 % писали заявки на гранты, а 54 % отметили, что находят дополнительную работу с помощью коллег и знакомых (там же: 185). Несколько лучше ситуация была в академической науке: здесь включение в грантовую систему стало одним из основных способов адаптации сотрудников к новым условиям. На это указали 42,3 % респондентов, а 47 % отметили, что гранты являются основным источником финансирования их подразделения (там же: 174).

Как указывают результаты того же социологического исследования, если в советское время отраслевые институты были монополистами, то «за последнее десятилетие ситуация резко изменилась. Практически все интервью-партнеры отмечают появление конкуренции... Институты активно проникают на “чужие исследовательские территории”, захватывая чужие рыночные ниши, иногда принимаясь за несвойственные прежде работы». Замдиректора по науке отраслевого НИИ, заметил, что «сейчас в России развелось столько... частных компаний... что можно насчитывать два десятка всевозможных компаний, где три-пять человек хватаются за любую работу под маркой того, что они могут сделать дешевле» (там же: 177). Другой руководитель отмечает, что «наши договора построены не на развитии науки, повышении качества... а на “латании” злободневных дыр, возникающих сегодня на заводах» (там же: 178).

Что же изменилось за прошедшие 15 лет в грантовой системе России, кроме появления в 2013 г. нового Российского научного фонда (РНФ)? Наблюдается рост среднего размера гранта, но в целом общие черты системы сохранились, и они противоположны характеристикам европейских грантовых систем. Опрос 2014 г. позволил нам сформулировать некоторые особенности ее функционирования. Эти особенности играют важную роль в появлении непростых нравственных дилемм у получателей грантов, негативно влияя на развитие науки:

«— ассиметричное распределение грантов в пользу столицы (что является следствием концентрации в ней научных учреждений и научных кадров);

— подчиненное положение ученых, занятых в этих структурах, по отношению к вышестоящим структурам (научная копия вертикали власти в стране);

— закрытый характер системы привлечения ученых к рецензированию, выражающийся в отсутствии возможности у членов научного сообщества участвовать в распределении ученых по позициям и должностям;

— невысокая численность экспертного пула и закрытый характер процедуры распределения заявок между экспертами, основанной в первую очередь на формальных классификаторах;

— закрытый характер самой системы грантов, который проявляется и в том, что широкое научное сообщество не может оказывать влияние на стратегию развития главных научных фондов страны, поскольку отсутствуют механизмы включения представителей различных групп научного сообщества в определение стратегических целей и ориентиров развития грантовой системы. Этот недостаток присутствует и в недавно созданном новом фонде — РНФ, высший орган которого, Попечительский совет, состоит из 15 академиков, большая часть которых — политики (депутаты, советники президента, министры);

— отсутствие прозрачности работы грантовой системы проявляется и в том, что в ней не предусмотрено уведомление участников конкурса о результатах рецензирования их заявок в случае отказа в поддержке заявки, что негативно воздействует на представления российских ученых об объективности оценки их заявок;

— небольшой размер гранта становится еще меньше в силу обязательства грантополучателей отчислить некоторую долю полученных денег в пользу организации, в которой выполняется проект» (Лазар, Стрельцова, 2015а: 41–42). Это привело к практике обязательности наличия грантов у профессоров исследовательских университетов для продления их контракта работы на новый срок. Тем самым гранты становятся способом роста бюджета самих университетов и формой насилия организации над его сотрудниками, что вызывает в научной среде дополнительные нравственные коллизии.

Модель грантовой системы, складывавшаяся в последние 20 лет в России, характеризуется значимой ролью в ней госбюджетных ассигнований, в то время как бизнес играет пока пассивную роль, ограничиваясь лишь фрагментарными конкурсами и программами финансирования исследований.

Являясь безвозмездной формой помощи ученому, оказываемой на конкурсной основе, грант не является коммерческой сделкой ни для одной из сторон, т. е. он предполагает определенное взаимное нравственное доверие сторон, которое на деле отсутствует. В договоре не оговаривается вопрос об использовании результатов исследования, зато в российских законах о грантах предусмотрен жесткий отчет о целевом использовании полученных средств, что заставляет грантополучателя «лавирировать», заниматься обманом, совершить аморальные поступки. Мы считаем, что в грантовой системе российских фондов содержится принципиально новая идеология взаимоотношений ученого и заказчика, взаимоотношений между учеными одной организации или научной школы. Эта идеология основана на жесткой конкуренции и морали индивидуализма, что и было отмечено в ответах респондентов. Раскроем ниже другие морально-этические аспекты, связанные с основными этапами функционирования грантовой системы.

Выбор темы исследования. В принципе выбор темы для заявки на грант является прерогативой самих ученых, однако есть ограничения, которые хотя и разумны, но не всегда приемлемы. Свобода выбора здесь ограничена аспектами и проблемами, которые интересуют грантодателя (фонд, организацию), они не всегда инте-

ресны самому ученому. Многие респонденты указывают на необходимость выбора «правильной темы», причем значение здесь имеют не только ее актуальность и новизна, но и соответствие установленным приоритетам, научной моде: «*Важность темы исследований для региона*» (анкета № 301), «*Попасть в модную тему. Увы*» (анкета № 146) и др. Лишь отдельные участники исследования отмечали необходимость ориентации на собственные научные планы и интересы: «*Подавайте заявку на грант, тема которой Вам интересна*» (анкета № 182) (там же: 45). Однако придется соглашаться, даже если к теме «не лежит душа», ведь деньги нужны (мы оставляем в стороне вопрос о качестве исследования, поскольку значительное количество исследователей и преподавателей вынуждены работать одновременно в двух-трех местах, что явно не способствует росту качества исследования). Кроме этого, свобода выбора темы вызывает новые формы временной группировки ученых, не обязательно в рамках данного учреждения или его подразделения, а это порождает морально-психологическую напряженность в отношениях между коллегами по работе. С тем в научных коллективах появился новый тип «соревнования», не характерный для советско-российского менталитета, основанного на коллективистском сознании. Все это вряд ли способствует росту качества исследований, сохранению старых норм коммуникаций в науке. Взаимодействие грантодателя и грантополучателя формально строится на принципе добровольности, их отношения — не столько правовые, сколько нравственные, так как предполагают *право отказа от такого сотрудничества*. Но ученому нужны деньги грантодателя, поэтому он вынужден «поступиться принципами», пренебрегать многими морально-этическими нормами.

Грантодатель, как правило, субсидирует наиболее актуальные, с его точки зрения, темы, проблемы, научные направления, но они не всегда актуальны для грантополучателя, который занимается этим давно, но при оформлении заявки старается тщательно скрывать тот факт, что результат ему известен, что данная тема им уже разработана. Ответы респондентов это подтверждает: «*Большая часть работы должна быть сделана!*» (анкета № 411), «*Заявляемая работа должна быть уже частично выполнена, с публикацией на подходе*» (анкета № 146) и др. Реально так поступает большинство ученых-заявителей, знают об этом и грантодатели. Получается, что грант на деле не грант, а премия или форма продажи готового продукта по частям или целиком за не очень высокую цену, то есть наблюдается сделка купли-продажи научного продукта, который превращается в товар! Поставленный нами в начале статьи вопрос о целях фондов получает четкий ответ. Как при этом быть с моралью? А какой след в душе «продавца» оставляет такая практика, пока никто из социологов не исследовал. Сомнительно, что грант является формой благотворительности.

Тесным образом с предыдущими аспектами связана и **проблема подготовки и отбора заявок**. Грант дается тому, кто убедил экспертов фонда в том, что его проект интереснее, актуальнее других, что он обладает необходимой познавательной и экспериментальной базой для выполнения темы. Выходит, что получение гранта часто зависит не от реальной научной ценности проекта, идеи (хотя этот момент считается решающим для грантодателя), а от умения «подавать товар лицом!» Это напрямую утверждали и некоторые представители фондов. Так, в обзоре «Как написать хорошую заявку на получение гранта» один из представителей американского фонда написал, что плохое изложение может превратить хорошую идею в заявку, которая не получит финансирования (Петровский, Диденко: 155). Заявка, подготовленная наспех, как правило, не имеет успеха, а второго случая «произвести первое

впечатление вам не представится» (там же). Написание заявок действительно занимает много времени исследователей (до 30 % на отдельный проект), оно напоминает скорее подготовку телевизионной рекламы, чем научный труд. Однако умение или желание рекламировать себя присуще не каждому ученому. Получается, что получение гранта зависит не от новизны идей, не от профессионализма заявителя, а от его психологической агрессивности! В исследовании Стрельцовой Е. А. 2014 г. 56 % респондентов отметили, что именно правильное оформление всех формальных документов, в том числе заявки, является залогом успеха в грантовых конкурсах, а более трети считают это самым значимым фактором (Лазар, Стрельцова, 2015а: 44). Об этом свидетельствуют и рекомендации респондентов по получению гранта: «Правильный выбор темы заявки, четкость изложения заявки, аккуратность и грамотность оформления текста» (анкета № 428), «Заявка должна быть понятной эксперту» (анкета № 366), «Хорошо написанная заявка — половина дела» (анкета № 317) и др. (там же: 44).

В условиях российской действительности существует реальная проблема не только подмены дела саморекламой, но и приобщения большинства ученых, особенно старшего возраста, к процессу подачи заявок. Так, например, за период с 1993 по 2003 г. из общего числа государственных вузов Санкт-Петербурга (а их было 49), гранты РФФИ получали ученые лишь 15 вузов. Более трети ни разу не получали исследовательские гранты РФФИ, в то время как все научные учреждения РАН получали их (Иванова, 2005: 238). Эта ситуация сохраняется в целом и в настоящее время. Большинство респондентов, по опросу 2014 г., работают в РАН (53 %), 50 % — работают в вузах, а 139 чел., или 35 %, работают одновременно в несколько организациях, в основном в РАН и вузах (Лазар, Стрельцова, 2015а: 44). Опыт участия в грантовых конкурсах имеют 83 % ответивших, 17 % ни разу не подавали заявок и не участвовали в выполнении проектов. «Установлено, что среди академиков РАН более 90 % принимали участие в грантовых конкурсах, и лишь 70 % ученых, работающих в вузах, обладают подобным опытом. 70 % респондентов за последние 5 лет не принимали участие в грантовых конкурсах ни российских негосударственных фондов, ни зарубежных организаций. Опыт большей части респондентов (71 %) — умеренно успешный, и лишь 12 % получили грант во всех конкурсах, а 17 % респондентов ни разу не получали грант, хотя и подавали заявку. Среди женщин-респондентов — негативный опыт имеет почти одна треть. Среди мужчин — 86 % получили гранты за последние 5 лет, и лишь 14 % имеют негативный опыт, что в два раза меньше чем среди женщин» (там же: 42). Помимо умения писать заявки, нужно реально уметь пользоваться персональным компьютером. Следовательно, система грантов обеспечивает лишь небольшой процент ученых, в то время как значительное количество не получают никаких грантов не потому, что у них низкий потенциал или их тематика неинтересна грантодателям, а потому что не хотят или не могут «подавать товар лицом»! Они видят в написание «рекламных» заявок нечто унижающее, недостойное для себя! Опыт более двух десятилетий такого финансирования показывает, что написание заявок на гранты становится новой «специализацией» в науке, в то время как получение значимого научного продукта — дело второстепенное!

Система экспертизы поданных заявок на гранты также содержит много нравственных (или скорее — безнравственных) аспектов. Анонимный, нелицеприятный и объективный конкурс претендентов — суть этой новой для российской науки модели организации и финансирования исследований.

Первый аспект системы экспертизы связан с научной парадигмой, в которой работает заявитель и эксперт, с методологией, которой они придерживаются. Если они совпадают, то проблема формулируется как объективность эксперта, поскольку любая оценка — субъективна в принципе, однако в данном случае речь идет о максимально возможном нейтральном отношении к идеям и личности претендента на грант. Следовательно, нравственные компоненты сознания эксперта в виде корректности, проявлении незаинтересованности, максимальной ответственности и пр. — востребованы в первую очередь! Если же парадигмы сторон не совпадают и предложенные проекты основаны на принципиально ином видении проблемы или же эксперту тема может показаться не такой актуальной или значимой, как требует фонд, то эта ситуация создает дополнительные нравственные и жизненные проблемы как для заявителя, так и для эксперта. Степень субъективизма будет обратно пропорциональна профессиональной совести эксперта. А в России заявители не получают извещение о причинах отказа, система экспертизы — закрыта, они не знают фамилий экспертов.

Исходя из правовой формулировки гранта, следует отметить и проблему качества полученных в ходе выполнения грантового проекта результатов и их применения. Это, по сути, нравственно-правовой аспект интеллектуальной собственности. Формально качество итоговой работы по гранту оценивается теми же экспертами, которые оценили и поддержали заявку, но они не будут противоречить себе, ведь они уже дали добро на получение денег. Не получается ли так, что содержание (которое известно заявителю заранее, но это тщательно скрывается!) — дело второстепенное, поскольку задача грантовой системы — сбор информации о научно-техническом потенциале страны взамен полученных денег. А если содержание исследования интересует грантодателя, то почему юридически его использование не фиксируется в законе и договорах?

Но главный вопрос, который следует задавать в таком случае, таков: обеспечивает ли реально грантовая система, эта новая для России система финансирования науки, прогресс российской науки? Способна ли такая система, привнесенная в российскую науку из другой культуры с традициями жесткой конкуренции и соревновательности, индивидуализма и отсутствия государственного патернализма, дать науке нечто большее, чем выживание? Мы в этом сомневаемся. Грантовая система в России не способствует прогрессу в познании, научному прогрессу, а поощряет мейнстримовую науку, ибо подававший заявку ученый прекрасно отдает себе отчет в том, что легче получить грант, когда постановка проблемы, а иногда и ее решение уже приняты научным сообществом, а новые, непризнанные подходы могут быть не оценены, и гранта он не получит. Отсюда, отказ от новаторских тем и исследовательских проблем, которые еще не получили значительного внимания научного сообщества и замена их более конвенциональными. Однако социологи отмечают низкий уровень информированности о конкурсах среди исследователей как фактор их незначительного обращения к грантовой системе. Существует множество регионов с малым обеспечением компьютерами, а зарплата ученых не позволяет приобрести их. Специфика научного труда такова, что в рамках субсидируемой концепции ученые неявно будут разрабатывать новую идею, закладывая кирпичи новой парадигмы, создавая задел на будущее. Грантодатели это понимают, ведь тот же Дж. Сорос не только бизнесмен, но и толковый ученый. При всех плюсах и минусах

системы, в России она реально спасает сегодня многих ученых от нищеты, обеспечивая возможность инициативного исследования, продолжения работы в науке.

Оставляем без комментариев нравственное самочувствие тех ученых, которые неоднократно подавали заявки на гранты и которым, без объяснений, отказали в поддержке, или тех, кто в силу низкой информированности не может подавать заявки. Нравственными проблемами сопровождается и использование своего имени в науке для регулярного получения грантов какого-либо фонда, или регулярное грантовое финансирование ученых всего 3–4 городов России, преимущественно, столицы.

На основании вышесказанного подведем некоторые итоги.

— Финансирование через систему грантов действительно необходимо переднему краю науки, однако научные открытия и научный прогресс немислимы без наличия значительной критической массы ординарных результатов, то есть без адекватного базового финансирования всего кадрового потенциала российской науки.

— Интернационализация российской науки через систему грантов осуществилась не только в виде свободного обмена людьми, взаимного обогащения идеями и технологиями, но и в виде заинтересованного вывоза лучших специалистов определенных направлений, проводимого под видом помощи.

— Имеет смысл сохранить и совершенствовать систему госзаказов, которая в отличие от грантовой системы предполагает четкие взаимные обязательства заказчика (министерства, ведомства) и исполнителя (научной организации). При этой системе темы, особенно в сфере фундаментальных исследований, требующие больших финансовых средств, могут быть определены государственными структурами, исходя из национальных приоритетов. Система госзаказов, как в прикладной, так и в фундаментальной науке, поможет сохранить традиционные для России научные школы, способствовать притоку молодых кадров в науку и формировать задел на будущее.

— Грантовая система способствует процветанию мейнстрима и псевдонауки, разрушению сложившейся системы образования, осуществляемому под лозунгом выполнения Болонских соглашений. Для кого готовит сейчас Россия бакалавров и магистров самых немислимых дисциплин и специальностей, которые не находят работу? Как назвать половинчатые меры по подготовке кадров науки, многолетнее параллельное существование степеней магистра и кандидата наук? Ведь в системе образования также существует грантовая система поддержки. Неужели полустолетний спор о принадлежности России к Западу или Востоку однозначно решен в пользу Запада?

Литература

Ащеулова Н. А., Душина С. А. Мобильная наука в глобальном мире. СПб.: Нестор-История, 2014. 221 с.

Дежина И. Г. Зарубежные гранты для российских ученых // Вестник РАН. 1997. Т. 67. № 12.

Евдокимова Е. П., Кугель С. А., Олимпиева И. Б. Наука в трансформирующемся обществе: адаптация к новым социально-экономическим условиям // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Международный ежегодник. Вып. XVI. Т. 1. СПб., 2001.

Зимбули А. Е. Этическая экспертиза как предмет этического осмысления // Лекции по этике. Вып. 3. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2011.

Иванова Е. И. Дисциплинарная структура Петербургских грантов РФФИ (1993–2003 годы) // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Международный ежегодник. Вып. XXI. СПб.: изд-во СПбГПУ, 2005.

Индикаторы науки: 2014. Статистический сборник. М., 2014. 399 с.

Кугель С. А., Блок М., Хватова Т. Ю. К вопросу о применении бизнес-модели в сфере высшего образования // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 106–115.

Лазар М. Г. Социология и этика науки в России: прошлое и настоящее. СПб.: Изд-во РГГМУ, 2012. 262 с.

Лазар М. Г., Стрельцова Е. А. а) Грантовая система финансирования российской науки: итоги одного социологического опроса // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6. № 3. С. 39–50.

Лазар М. Г., Стрельцова Е. А. б) Грантовые системы финансирования науки в США, Европе и России: сравнительный анализ их структур и функционирования // Ученые записки РГГМУ. 2015. № 39. С. 229–241.

Мирский Э. М. Социология науки — новые вызовы // Социология науки и технологий. 2011. Т. 2. № 3. С. 13–30.

Наука. Инновации. Информационное общество. 2014. Краткий статический сборник. М.: Высшая школа экономики, 2014. 80 с.

Петровский А. Б., Диденко Н. И. Грантовое финансирование как барьер для научной эмиграции // Проблемы деятельности ученых и научных коллективов. Международный ежегодник. Вып. XVI. Т. 1. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 2001.

Bourdieu P. The Specificity of Scientific Field and the Social Conditions of the Progress of Reason // Social Science Information. 1975. Vol. 14. P. 19–47.

Latour B. A Collective of Humans and Nonhumans. Following Daedalus's Labyrinth // Pandora's Hope. Essays on the Reality of Science Studies. Cambridge: Harvard University Press, 1999. P. 174–215.

References

Ashcheulova N. A., Dushina S. A. Mobilnaya nauka v globalnom mire. SPb.: Nestor-Istoriya, 2014, 221 s. [Ashcheulova N.A, Dushina S. A. (2014) Mobile science in a global world. SPb.: Nestor History, 221 p.].

Dezhina I. G. Zarubezhnye granty dlya rossiyskikh uchenykh //Vestnik RAN, 1997, t. b67, № 12. [Dezhina I. G. (1997) Foreign grants to Russian scientists // *Herald of the RAS*, vol. b67, № 12].

Yevdokimova Ye.P., Kugel S.A., Olimpiewa I. B. Nauka v transformiruyushchemsya obshchestve: adaptatsiya k novym sotsialno-ekonomicheskim usloviyam // Problemy deyatel'nosti uchenogo i nauchnykh kolektivov. Mezhdunarodnyy ezhegodnik. Vyp. XVI. T. 1. SPb., 2001 [Yevdokimova E.P, Kugel S.A, Olimpiewa I. B. (2001) Science in a transformed society: adaptation to the new socio-economic conditions // *Problems of activity of the scientist and research teams*, International Yearbook, vol. XVI, t. 1, SPb.].

Zimbuli A. Ye. Eticheskaya ekspertiza kak predmet eticheskogo osmysleniya. — Lektsii po etike. vyp. 3. SPb, izd. SPbGPU, 2011. [Zimbuli A. E. (2011) Ethical expertise as an object of ethical reflection. Ethics Lectures, vol. 3, St. Petersburg, ed. SPbSPU,].

Ivanova Ye.I. Distiplinarnaya struktura Peterburgskikh grantov RFFI (1993–2003 gody) // Problemy deyatel'nosti uchenogo i nauchnykh kolektivov. Mezhdunarodnyy ezhegodnik. Vypusk Kh-KhI, S-Pb, izd. Politekh.univ., 2005. [Ivanova E. I. (2005) Disciplinary structure Petersburg RFBR grants (1993–2003) // *Problems of activity of the scientist and research teams*. International Yearbook, vol. XXI, Saint-Petersburg, ed. Politehn.univ.].

Indikatory nauki: 2014. Statisticheskiy sbornik. M., 2014, 399 s. [Science Indicators 2014. Statistical Yearbook. M., 2014, 399 p.].

Kugel S. A., Blok M., Khvatova T. Yu. K voprosu o primeneniі biznes-modeli v sfere vysshego obrazovaniya // Sotsiologicheskie issledovaniya, 2014, № 10, s.106–115. [Kugel S. A., Block M., Khvatova T. Y. To a question on the application of business models in the field of higher education // *Sociological researches*, 2014, № 10, p. 106–115].

Lazar M. G. Sotsiologiya i etika nauki v Rossii: proshloe i nastoyashchee. SPb.: izd. RGGMU, 2012, 262 s. [Lazar M. G. Sociology and ethics of science in Russia: Past and Present. SPb.: ed. Russian State Hydrometeorological University, 2012, 262 p.].

Lazar M. G., Streltsova Ye.A. a) Grantovaya sistema finansirovaniya rossiyskoy nauki: itogi odnogo sotsiologicheskogo oprosa // Sotsiologiya nauki i tekhnologii. 2015. T. 6. № 3. S. 39–50. [Lazar M. G., Streltsova E. A. (2015) a) The grant system of financing of Russian science: the results of a sociological survey // *Sociology of Science and Technology*, vol. 6, № 3, pp. 39–50].

Lazar M. G., Streltsova Ye.A. b) Grantovye sistemy finansirovaniya nauki v SShA, Yevrope i Rossii: sravnitelnyy analiz ikh struktur i funktsionirovaniya // Uchenye zapiski RGGMU. 2015. № 39. S. 229–241 [Lazar M.G., Streltsova E. A. (2015) b) Grant of science financing system in the US, Europe and Russia: Comparative Analysis of their structures and functioning // *Scientific notes RSHU*, № 39, pp. 229–241].

Mirskiy E. M. Sotsiologiya nauki – novye vyzovy // Sotsiologiya nauki i tekhnologii. 2011. T. 2, № 3. S. 13–30. [Mirsky E. M. (2011) Sociology of Science – New Challenges // *Sociology of Science and Technology*, vol. 2, № 3, pp. 13–30].

Nauka. Innovatsii. Informatsionnoe obshchestvo. 2014. Kratkiy staticheskiy sbornik. M.: Vysshaya shkola ekonomiki, 2014. 80 s. [*The science. Innovation. Information society*. 2014. Short statistical collection. Moscow: Higher School of Economics, 2014. 80 p.]

Petrovskiy A. B., Didenko N. I. Grantovoe finansirovanie kak barer dlya nauchnoy emigratsii // Problemy deyatelnosti uchenykh i nauchnykh kolektivov. Mezhdunarodnyy ezhegodnik, Vyp. XXI. T. 1. SPb.: izd. SPbGTU, 2001. [Petrovsky A. B., Didenko N. I. (2001) Grant funding as a barrier to scientific emigration // *Problems of activity of scientists and research teams*, International Yearbook, vol. XXI, t. 1, St. Petersburg, ed. SpbGTU].

Ethical aspects of functioning of the Russian grant system science funding

MIHAY G. LAZAR,

Professor,
Russian State Hydrometeorological University,
St Petersburg, Russia
e-mail: mihai_lazar@mail.ru

The article reveals the moral problems of Russian grant system, based on its differences from the European systems of grant funding: he closed nature of attracting scientists to peer review; low number of expert pool and closed nature of the application procedures for the allocation between the experts; the absence of the scientific community opportunities to influence the development strategy of the country's research funds. Disclose the ethical problems the choice of subjects of applications for grant of registration of the grant application, examination, grant reporting and the impact of grants for scientific progress.

Keywords: social institution of science, morality, moral choices, grant systems of Russia, a moral issue, theme selection, design applications, examination of the grant applications, scientific progress.